

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте на тему «Государство и революция».
Стенограмма
(02.10.2018 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор;

А.В. Бугалин – руководитель Центра социэкономии кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бугалин (АВБ). Сергей Дмитриевич, 28 сентября т.г. в Санкт-Петербурге состоялся семинар Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, который был посвящен проблемам финансового капитала. Естественно, речь не могла не пойти о государстве, но зашла она в очень конкретном тогда аспекте. А Вы поставили совершенно неожиданную проблему – соотношение «государства» и «революции». Причем в понимании еще более неожиданным и меня сильно удивившем. Давайте я не буду предвосхищать Ваших слов. Почему государство? Почему революция? И как это связано? Или, может быть, вообще никак не связано? Аллюзия такая со знаменитой маленькой работой Ленина, которую он написал в шалаше...

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Маленькая, но важная и известная. Написанная под Питером, в Разливе.

АВБ. В Разливе, да, совершенно верно.

СДБ. В отместку, так сказать, на нападки.

АВБ. От всех...

СДБ. Всех товарищей, начиная от Каутского и заканчивая...

АВБ. Да, и накануне, как ни странно, прихода к власти и необходимости создания государства. Но я так понимаю, что речь пойдет не о Ленине, скорее всего, а о чем-то другом?

СДБ. В том числе – и о Ленине. Конечно, непосредственно о Ленине, наверное, не очень пойдет. Но если вспомнить ту ситуацию – революционную ситуацию! – и сравнить ее с нынешней, тоже революционной (в смысле НТР), то нам придется, как и Ленину в свое время, определяться с ролью государства в нынешней революции.

АВБ. Тогда замысел был другой...

СДБ. В чем-то – да, в чем-то – нет. Я почему подумал о том, что пора поговорить об этой теме? Она наиболее сложная из всего, что на сегодняшний момент надумано, мной надумано. Почему? Потому что, если внимательно посмотреть, в большинстве своих изысканий я так или иначе пользуюсь политэкономическим, можно сказать – в какой-то мере, подходом. Я говорю в какой-то мере, поскольку я не очень принимаю тезис о классовой борьбе как двигателе истории, хотя это...

АВБ. ...это уже больше политэкономизм, чем политэкономия. Поэтому Вы совершенно справедливо делаете эту оговорку. И плюс, извините, я добавлю просто – у вас методология и язык включают и классический институционализм, и ряд других направлений.

СДБ. Знаете, я изучал в свое время и марксизм, и философию, и классику, и политэкономия, и научный коммунизм, да, а впоследствии читал все подряд, получил некое более полное, но и – «смешанное» представление...

АВБ. И на примерах Гэлбрейта-младшего, работая с ним в диалоге.

СДБ. Да и Гэлбрейта-старшего, и многих других. Поэтому – некое «смешанное» представление какое-то...

АВБ. Скорее – интеграция.

СДБ. Плюс – я еще годами детально изучал индустриальное развитие, а еще – матфак между делом закончил, кибернетику. В результате получилась такая, не буду эпитетов давать, определенная каша, которая позволяет по-другому немножко иногда думать. Но методология, построенная на марксистской какой-то базе, присутствует, спору нет. Так что

здесь отречься нельзя. «Не отрываются, любя», что называется, да. Что касается темы – почему эта тема важна? Потому что она, в отличие от предыдущих изысканий, приводила к подтверждению каких-то марксистских, марксовских представлений. Здесь у Маркса, у Энгельса все понятно: происхождение семьи и так далее и тому подобное. У Маркса таких вещей, таких подробных разборов «с государством» нет. По крайней мере я, может быть, не настолько глубокий исследователь Маркса, но все что прочитал, удалось прочитать, там такого детального не нашел. И у меня сложилось впечатление, что либо он умышленно это сделал, либо он умышленно это не сделал, либо – руки не дошли, так? Но мне кажется, что это, может быть, потому, что это – тема, которая предполагает многие варианты развития этого института, государства. Почему? Потому что это – самый сложный институт, который выработало человечество для регулирования своих отношений. С этого я и хотел бы начать. Почему меня здесь ленинский (и иже с ним) тезис о том, что государство отомрет, не удовлетворяет в полной мере? В этом есть сложность.

Знаете, когда доказываешь другим способом теорему, как математик, и приходишь к тому же результату, ты понимаешь, что это – истина. Потому что – да, и способ другой, и метод правильный твой, доказательный, и предыдущий, который тоже ничего, и результат такой-то. В этом плане меня радовало всегда то, что я близко подхожу к тому, что есть у других людей, которые то же самое исследовали, хотя – по-другому смотрели, в другое время, с другими посылами и так далее и тому подобное. Но тем не менее получали сходный, аналогичный результат. Это значит, что я, наверное, прав, так?

Здесь, поскольку не нашел ничего, кроме того, что потом уже после Маркса люди написали, я задумался. И поскольку у меня не получается напрямую, я понял, что тема очень сложная.

Я бы начал с чего? Начал – с общества. Если следовать методологии Маркса, в исторической части, исследуя с исторической точки зрения, то понятно, что общество существовало, можно сказать, с момента, как только люди стали друг друга узнавать, осознавать окружающий мир.

С этого момента общество уже появилось: два человека, неважно, десять, стая обезьян, полулюдей и так далее. Но если они осознавали какие-то вещи, это уже было общество. Потому что это сообщество – это был определенный социум. Почему? Потому что – как система состоит из элементов, так и общество состоит из индивидов. Индивиды – это нечто в этой системе, имеющее свои собственные интересы. Интересы выражаются в последующем, когда они осознаются, хорошо понимаются и формируются через определенный тип желаний – это называется «потребности». В рамках каких-то интересов возникает потребность в том, в том, в том: интерес жить, выжить, интерес жить лучше – значит потребность, к примеру, есть лучше, больше и так далее – такая цепочка рассуждений.

Отсюда появляются цели удовлетворения потребностей как обобщенные цели, я бы так сказал – сублимированные в целях интересы. Когда мы говорим об обществе, мы понимаем, что там есть индивиды, у которых есть между собой некие отношения. Они, эти отношения, – связи в системе, можно сказать, да, они выражаются через взаимодействие интересов. У одного один интерес, у другого – другой, у третьего – третий. И надо понимать, что если я эту кость отберу, то другой, условно говоря, человек будет голодать. Он может взять палку и дать мне по голове, и это тоже надо понимать, что будет взаимодействие интересов вплоть до каких-то действий.

Значит, пока общество могло по понятию, по осознанию чужих интересов урегулировать между собой эти отношения, оно, тем не менее, существовало как общество. А никакого государства или политического института регулирования не было. Но когда система развилась до определенного состояния, когда появилось большое количество участников системы, когда появились межсистемные взаимодействия – это система одних людей, других людей, третьих, суперсистема, сверхсистема образуется и так далее. Возникают интересы групп, интересы конкретных слоев. Я абстрагировался от слова «классы» в последующем, но есть группы интересов.

При этом – это очень сложная штука. Например, условно говоря, некая группа индивидов имеет определенный общий, похожий, сходный интерес в каком-то направлении. Другая

группа имеет сходный интерес в другом направлении, не в этом. Но при этом члены этой группы, часть другой, могут иметь третий интерес, связанный с совершенно другим направлением, и так далее. Получается, что система не просто в количестве увеличивается, она изменяется качественно в силу того, что не только количество участников системы растет, но и количество интересов, то есть количество «валентностей», или связей между ними, – тоже растет. Причем растет это все дело в некоей условно экспоненциальной зависимости, если можно так сказать, пользуясь не чисто математическим понятием. Но понятно, что это – стремительный рост, рост синергетического свойства. Потому что вслед за этим возникают не просто интересы групп, а интересы слоев, интересы не только слоев, но и крупных объединений.

Возникает необходимость – потребность – как-то регулировать эти отношения в момент, когда (здесь очень важный момент) это начинает быть важным. Это начинает быть важным тогда, когда удовлетворение потребностей количественно становится больше. Потребности требуют все большего и большего труда, усилий. Чем больше усилий для удовлетворения потребностей, в том числе интеллектуальных усилий, в том числе – усилий с ростом осознания и знаний в том способе удовлетворения потребностей, который необходим, тем более творческим становится труд. Более осмысленным и более творческим. Не в плане – творить скульптуры, а творческим в плане – как удовлетворить потребности, «сотворить чудо». Сделать так, чтобы камень превратился в топор, из топора суп сварить и так далее и тому подобное. Как это сделать – здесь без осознания, без сотворения невозможно. С развитием труда, его творческой компоненты возникает все больше и больше возможностей для удовлетворения потребностей людей. Человек производит нечто для удовлетворения потребностей. И контактирует в этом процессе с другими индивидами.

При этом создаются, как Вы помните из наших предыдущих коллоквиумов, новые потребности, и когда критическая масса потребностей начинает удовлетворяться, и возникает некая необходимость в регулировании этих производственных отношений. Они становятся производственно-

экономическими. Не просто производственные – произвел что-то из чего-то и съел, а уже – обменялся. Обменялся, значит – это уже мена. Мена – это уже неравенство, потому что не существует абсолютно эквивалентной мены, ее просто не существует в мире. Даже вот две вроде бы одинаковые чашки чая, но может быть одна немного холоднее, другая – горячее. И тот, кто получает в каком-то контексте выгоду, в какой-то критериальной базе выгоду, тот – в выигрыше.

А с возникновением денег, как мы с Вами установили, с возникновением денег – предмета общего, универсального, который позволяет учет этой самой выгоды, является количественным ее выражением, мы понимаем, что происходит качественное преобразование абстрактной выгоды в количественное отображение денежной выгоды. Такая «реформа» учета интересов активно ускоряет развитие отношений индивидов в социуме в процессе удовлетворения их разнообразных потребностей. Происходит изменение устройства общества и возникают экономические отношения, которые требуют гораздо более сложного регулирования. Это – качественный скачок. С этого момента, когда начинается денежная торговля, когда начинается осознание, что можно «экономическим образом» организовывать свою жизнь, возникает и потребность в более активном и в более эффективном регулировании.

Примерно в это же самое время, с момента развития этих отношений, и возникает политическая надстройка – из экономики, которая преобразуется через какое-то время в государство. Она – настройка для чего? Для регулирования, в первую очередь, экономических отношений. При этом общество, имеющее, кроме этих отношений, многие другие, – шире, больше, чем государство. В обществе есть разные сферы: сферы осознания, духовные сферы, например сфера технического развития, условно говоря, сфера экономическая, сфера интеллекта, сфера политическая. Каждая из них каким-то образом возникает.

Политическая сфера возникла в первую очередь из экономики для регулирования экономических отношений, но с развитием экономических отношений она усложняется. Она превращается, политическая сфера, в государство. Те «понятия», которые стало регулировать государство, оно превращает в

«писанные» отношения, в законы, превращается в какие-то уложения, которые предписывают что-то делать и чего-то не делать. Оно требует также чего? Исполнения этих законов, этой системы отношений. Исполнение законов приводит к чему? К тому, что если ты первоначально ударил палкой по голове – заменяется институтами насилия, принуждения цивилизованными, утвержденными законодательно. Понятно, что нельзя бить два раза палкой по голове, за это надо бить один раз палкой по голове, а вот за это – три или руку отсекать, или еще что-нибудь делать, или в армию призывать, если надо воевать с кем-то и так далее и тому подобное. Появляется у государства то самое, что в «Государстве и революции» Ленин писал: тюрьма, институты принуждения и все подобно – по-моему, во втором разделе работы этой.

АВБ. Да.

СДБ. Если память не подводит... Это как раз появляется на этом этапе. Появляется – и тоже расширяется. Дело в том, что политический институт государства, регулируя эти отношения, не может не затрагивать другие сферы. Начинается регулирование, попытки регулирования государством других сфер, духовной сферы в частности. Влезание государства в религию, в науку и так далее. Подчинение творческого процесса, попытка подчинения творческого процесса и творческого труда, в том числе, «интересам государства». Но при этом эти интересы какие? Здесь важно понять, что в системе есть критические отношения между элементами системы. Если некая система, некая часть системы, некоторые элементы системы имеют большие интересы или более важные интересы для общества, или превалирующие интересы (в каком-то плане: если мы говорим об экономическом обществе, то в экономическом плане), то эти интересы становятся особо важными, и им подчиняется политический институт, который регулирует эти отношения, и все остальные должны «лечь» под это.

Таким образом, получается, что общество, достигнув этапа индустриального, порождающего капитализм, и так далее и тому подобное (не наоборот (!) взаимопроникновение, конечно, есть, они поддерживают друг друга, но, тем не менее, я полагаю, что именно так), с развитием технических возможностей удовлетворить потребности людей все больше и больше на фоне

придуманной людьми возможности меняться через деньги превращается в это самое «политическое общество». Капитал постепенно начинает отрываться от реального сектора, это уже с Вами проходили.

Когда эти интересы объединены в какой-то силе, то они служат тому, у кого больше, как говорится, у батьки, «золотого запаса», у кого больше представления или возможностей представить интересы, или возможности удовлетворять интересы, или возможности подчинять интересы других членов общества себе. Собственно, отсюда появляются эти самые «формации», которые товарищи прописали – условно говоря, феодальная формация, капиталистическая формация и так далее. Туманно, так сказать, но если с этой точки зрения смотреть, по крайней мере, это понятно. Если мы говорим об этом, то надо осознать еще одну вещь. Когда мы рассуждаем о формировании этого подчинения и, понимая, что оно не может не затрагивать других областей, мы понимаем, что у человека есть некое внутреннее качество, которое в нем заложено Творцом. Человек хочет внутренней свободы. Его интересы – это выражение его свободы. Он не может жить в обществе и быть свободным от него, так как общество несвободно, условно говоря, оно создает условия принуждения, условия «нужды». То, что говорил Маркс, – нужды. Если правильно понимать Маркса в этом контексте, то, мне кажется, нужно понимать это так, что «царство свободы» – это «царство» свободного получения удовлетворения своих интересов, реализации своих интересов. Не материальной свободы только лишь, не нужды в обычном понимании, но – принуждения, хотя, конечно, какая-то часть этой «нужды» здесь есть, в экономическом обществе нужно помнить – «не потопаешь – не полопаешь». Там, в «царстве свободы», уже не потопаешь, а полопаешь, в следующей стадии развития, но при этом интересы все равно остаются. Так вот, у человека есть это прирожденное внутреннее, дарованное Богом свойство. Оно выражается как раз в реальной жизни через творческий процесс – например, через осознание творческим образом мира. То есть, духовная сфера, сфера творения, сфера науки, религии – та, которая не связана напрямую с материальным миром.

Эта сфера имеет пределы гибкости и пределы «терпения». Рано или поздно возникает напряжение в системе, когда система подавлять начинает не только то, что ей положено подавлять и регулировать, а подавлять все остальное автоматически, по своей природе, через аппарат государства. Возникают противоречия в системе. Напряжения растут, и рано или поздно происходят изменения, часто – как революции. Революции, которые вызваны не столько материальными проблемами, сколько «проблемами духа».

В каждой революции есть идея. Она лежит в начале революции, если мы говорим о революции социальной. Допустим, скажем, Парижская коммуна, или революция 1917 года и так далее. Я не верю, что все люди, которые брались за ружье в 1917 году, были голодны, умирали от тифа, или еще что-нибудь, что это рабы были, которых хлестали плетью. Были разные люди, были офицеры, были интеллигенты – их объединяло другое, их объединяла идея, и эта идея была важнее, чем материальная компонента. Это – идея раскрепощения духа, помните, «освобождение труда». Какого труда? Не только материального, труда в целом, в том числе – труда «духа», труда творческого, творческого отношения к жизни. Я так трактовал бы это все дело. В этом случае, может, они сами не осознавали, эти революционеры, что они такое натворили. Как говорил Путин: «Вы понимаете, что вы натворили?». Но мне кажется, что это могло происходить от этого.

Потому что идея – это главный двигатель всех реформаций, всего. На базе идей, на базе этого особого знания, осознания, развития формировались и экономические отношения, и политические отношения, и все остальные, и формы государства, если мы коснемся этой части, которые формировались под влиянием определенных групп, идей: либеральное государство, монархическое государство и так далее, там тоже какие-то идеи лежали в основе. Эти идеи уже потом как-то реализовывались, как-то подкреплялись чем-то еще, закреплялись в институтах соответствующих.

Таким образом, если мы понимаем вот это, то мы говорим о чем? О том, что само государство, развивая аппарат принуждения, тем не менее, порождает, вынуждает себя как

институт периодически на определенных своих этапах менять свою форму, форму государства, чтобы она больше соответствовала вот этому «духовному» состоянию в целом системы. Это позволяет, «перетряхнув» систему, переизменив, переставив местами, условно говоря, на этой шахматной доске определенные фигуры, сделать систему более устойчивой.

Почему эта устойчивость нужна и почему необходима на современном этапе существования государства как института? Потому что на нынешнем этапе цивилизационного развития экономические отношения еще никуда не делись, они есть. Все другие отношения сегодня, в значительной мере подчиненные так или иначе в своей реализации через такой механизм (мы не можем написать книгу, не имея чернил и бумаги), тоже завязаны на материальную, экономическую сторону жизни. Экономическую сегодня, потому что сегодня у нас – экономическое общество. Соответственно, государство как институт должно существовать, чтобы регулировать эти отношения. Регулировать и иметь все свойства государства, все функции государства, которые сегодня есть и которые необходимы.

Однако творческий процесс продолжается, духовная сфера растет. Значение материальной сферы постепенно снижается. Сегодня мы переживаем новую революцию – технологическую. В этой связи возникает вопрос: как будет меняться государство? Если оно раньше менялось качественно, то есть, возникнув однажды, оно менялось качественно (то «Государство – это я», – Людовик говорил, то: «Давайте – свобода, равенство, братство, и все пойдем, Парижская коммуна, сделаем республику», то еще какие-то формы государства), то сейчас возникает вопрос, какая будет форма государства и будет ли оно вообще в НИО.2, например.

АВБ. И здесь, видимо, встает та тема, которую Вы обозначили за пределами нашего сегодняшнего разговора и которая, наверное, сейчас должна быть включена: тема революции не политической, даже не социальной – революции научно-технической.

СДБ. Совершенно верно.

АВБ. Я так чувствую, что именно к этому подводится.

СДБ. Я к этому и подвожу. Я могу сказать, что если мы говорим об этом, то должны посмотреть в корень, на мой взгляд. Я считаю корнем развития технологическое, интеллектуальное развитие человечества через творческий процесс. Формируя, так или иначе, новые идеи для реализации своих потребностей, человек автоматически двигает то, что мы называем научно-техническим прогрессом, научный, технический, технологический, индустриальный, когда возникает индустриальный способ производства и так далее и тому подобное. Мы изобретаем новые изделия, новые станки и так далее, мы копируем знания на каждом технологическом этапе. Накопив знания, мы переходим к новому технологическому этапу. Это то, что называл С. Глазьев, когда оно «на общество» переходит, технологическим укладом. Я бы даже сказал, не технологический уклад, а общественно-технологический уклад. Потому что технологический уклад, слово само не очень четко отражает, на мой взгляд, суть процесса. Потому что технологический уклад не просто появляется, он сразу за собой влечет через некоторый небольшой этап изменение общественных отношений, в любом случае. Но поскольку это революционная смена, пусть она даже будет медленная – это все-таки смена, другая жизнь начинается в технологиях, соответственно, другая жизнь начнется и в обществе.

Вот сейчас на пороге – искусственный интеллект, роботехника, третья фаза компьютеризации (когда вместо «рабочего стола» и «папок», а затем сменивших их «окон» и «браузеров» мы получим «потoki» как условные единицы информационного взаимодействия), затем – «мемо»-низация медийной среды, «дематериализация» (снижение материалоемкости) индустриального продукта и слияние его – через снижение соответствующего интереса человека к собственности (развитие «сособственности», совместному использованию (сопотреблению) вещей – к примеру, транспорта (тот же каршеринг) – с продуктом – услугой... Вот что просматривается как цепочка изменений от технологий – в экономике и далее – в обществе.

Я полагаю, что вообще все революции, которые совершались, они совершались в связи и путем накопления знаний через технологические вещи, знаний, позволяющих

экономику менять, формируя новые техноуклады и формируя новые экономические уклады, политические. В развитии технологических укладов были свои этапы, совмещенные или скоординированные с этапами общественного и экономического развития. Потому – если индустриальный способ производства, то капитализм и так далее. Капитализм – это не просто капитализм в экономических отношениях. А капитализм породил капиталистическое общество, отразился на общественных отношениях, по закону отражения. Но есть обратное отражение: общество, развиваясь духовно, интеллектуально, требует смены капитализма или его качественного изменения, и этот процесс идет. Что и происходит, мы наблюдаем это постоянно.

Если мы понимаем это так, тогда мы должны сделать вывод какой? Что на сегодняшний день государство, являясь активным регулятором, не просто предписывает что-то и наблюдает, а вмешивается в процессы и, отражая свое вмешательство, меняет уже и какие-то технологические линии. Государство может поддержать какой-нибудь процесс технологический инвестициями, чем-то еще, какими-то вложениями, законами, налогами. В то же время государство не может не отвечать на вызовы, которые дает технологический прогресс. Поскольку в сути, в самом начале, в основе лежит все-таки движение научно-техническое, то оно является основным драйвером развития всего технологического уклада общества и политической структуры государства.

Как пример, могу сказать – сегодняшние технологии позволяют формировать т.н. открытое общество. Мы говорим о том, что все больше и больше открытости. Вот недавний пример со Скрипалями. Только что опубликовано, что на самом деле господин Боширов является товарищем Чепыгой, то бишь полковником ГРУ типа настоящим. Не знаю, так ли это. Допустим, это так. Нас интересует другое – а почему это выяснилось? Потому что базы данных канувшего в лету ГРУ и МВД, которые стали доступны общественности, кто-то «слил», и вот – фотография, один в один. Сделали проверку официальную в доступных базах прокуратуры – и выяснили, что на 99,9% это одно и то же лицо. И никакой он там не гей, который пробежал по Солсбери, а на самом деле – что же там «на 99% полковник

ГРУ» делает в Солсбери? То есть – спрятать информацию невозможно даже на уровне государственном сверх каком-то уже сейчас.

Что будет дальше?

Дальше будет открытость все больше в силу технологий, которые позволят это идентифицировать, распознавать и так далее и тому подобное. Значит, государство должно менять вслед за этим свои институты, структуры? Да, будет менять. Меняется общество, меняется государство. Возникает вопрос. Когда экономическое общество перестанет существовать в силу этого самого прогресса технологического – вроде, по идее, отпадает роль государства как регулятора экономических отношений. И об этом классики марксизма того же самого говорили, да и многие говорили. Сталин писал о завершении какого-то этапа истории и так далее, если память мне не изменяет.

Отпадает ли? Государство ведь сегодня регулирует не только эти отношения, и почему? Потому что оно служит на самом деле не только для регулирования, оно служит больше – через регулирование – для согласования интересов. И тут возникает вопрос. Согласование интересов кто будет производить, когда экономическая роль государства, экономического регулятора отпадет? На этот вопрос ответа классики не дали.

Я полагаю, что государство постепенно, качественно меняясь в процессе исторического развития человечества, изменит свое качество, поменяет свою функцию, но останется в какой-то мере (пусть это не будет государство в сегодняшнем понимании) регулятором неэкономических отношений, согласования других интересов – не регулятором, а «согласователем» интересов оно останется. Какой-то институт будет существовать. Почему? Потому что интересы никуда не деваются, интересы в сфере того же творческого развития, интересы, конфликты, которые служат источником развития общества. Они – в другой плоскости: в плоскости творчества, в плоскости духа, в плоскости идей. Столкновение этих идей и прочее, оно тоже должно каким-то образом регулироваться. Каким это будет регулирование – наверное, сегодня сказать невозможно. Мне кажется, что здесь классики были правы в том, что не давали точной оценки.

Но государство, если думать о том, что когда Ленин писал «Государство и революцию», он полагал (я так видел в той работе, еще тех времен, советских, когда читал), что государство есть фактически только регулятор экономических отношений. Не было акцентировано, что это может быть по-другому. Поэтому и вывод такой, что оно отомрет в той части, в которой оно регулирует экономические отношения, в связи с исчезновением экономических отношений. Регулировать будет нечего. Я в чем согласен – эта частная функция государства отомрет. Другие функции: функции согласования интересов, функции обеспечения этого согласования интересов, какие-то будут функции. Это не будет, скорее всего, физическое принуждение, но это будет некое установление каких-то линий, каких-то границ в согласовании этих интересов. Потому что «царство свободы», по идее, предполагает царство абсолютной свободы, свободы духа абсолютного – то есть я что хочу, то думаю, что хочу, то делаю. И мне кажется, что здесь, на уровне «думать» никому ничего не будет запрещено, а вот реализовывать свои «думы» надо будет «через что-то». Например, скульптор захотел сделать вот такую скульптуру, но для этого надо то-то и то-то. Материалы, пожалуйста, можно добыть. Но, может быть, здесь что-то еще, такое, к примеру, будет оскорблять чувства других людей. Здесь может быть некое установление, которое человеком – через осознание интересов других людей – будет воспринято без такого типа принуждения, которое есть сегодня, физического принуждения, ограничения свободы и так далее. Принуждение будет принятое добровольно, условно говоря. Да, я хотел бы сделать то-то. Я понимаю, что это было бы замечательно. Если взорвем Землю, представляете какой будет взрыв, какое будет шоу!..

АВБ. Или перформанс.

СДБ. Да, но он осознанно понимает, даже если он принимает свою собственную гибель как нечто неизбежное в этом перформансе, но это вовсе – не в интересах других людей. Поэтому в этом плане должны быть какие-то сохранены функции государства, которые не будут позволять такому «пиршеству духа» осуществляться. В этом смысле возникает еще один вопрос. Может ли быть «царство свободы» как царство

абсолютной свободы? Я думаю, что не может быть. Почему? Потому что сохраняется общество, а общество – это индивиды. А индивиды, живя в обществе, не могут быть свободны от общества как «согласователя» интересов. В этом плане роли общества и государства, как саморегулятора, будут постепенно «сливаться». Общество будет через какие-то институты, сходные с теми, которые породило государство, сходные с теми, которые есть, выработает форму государства или другого института, который будет согласовывать те интересы, которые позволяли бы социуму развиваться и благополучно существовать.

АВБ. Сергей Дмитриевич, это такая стратегическая линия, выходящая в пространство не только и не столько политологии. Потому что проблема ограничения творческой деятельности – это проблема актуальная не первого десятилетия.

СДБ. Я бы даже сказал, что столетия. Я читал книгу о Бенвенуто Челлини, как он хотел нечто изваять, а ему не позволяли. Пришлось ему из Италии уехать во Францию. Еще в те времена.

АВБ. Возвращаясь к нашим экономическим материям, более близким, традиционным, во всяком случае, – Вашей деятельности. Есть довольно большой, точнее не довольно, а просто большой и долго продолжающийся спор об экономической роли государства, его возрастании или снижении по мере научно-технического прогресса. Тезис о постепенном уходе государства как особого института, регулирующего экономический процесс. Это тот же тезис, что и в либеральной концепции, связанной с расширением рынка, или это другой, уход другого государства, по другим дорогам, чем то, что предполагается либеральной концепцией?

СДБ. Конечно, другой. Либеральная концепция предполагает развитие экономики. Моя мысль (так, я не скажу там – концепция!) – другая. Я предполагаю, что экономические отношения, будучи историческими, имеют свой исторический же конец. Если мы говорим о снижении роли экономических отношений в развитии общества, в целом, в будущем, как в начале говорили, то предполагать, что должно быть усиление роли государства здесь неправильно. Роль государства в этой части экономической будет снижаться. Другое дело, что

существуют еще другие функции, которые, возможно, будут возрастать, их значение будет возрастать. Вот почему я говорю о государстве и революции. Очень важный момент сейчас понимать.

АВБ. В данном случае революции научно-технической?

СДБ. Да. Важно понимать, что мы сейчас живем в эпоху перехода к новому технологическому укладу, который так стремительно движется, что его называют многие научно-технической революцией, индустриальной революцией и так далее. Я предпочел бы слово «индустриальная», поскольку она отражает больше смысл, заложенный в концепции движения по индустриальному пути. Индустриальное общество следующего поколения, в котором знания будут являться основной частью производственного процесса, и технологии, которые содержат большой объем знаний со снижением материальной емкости, и так далее. В целом и в общем – могут быть разные «всплески». К примеру, запрос на материалы может резко вырасти, если начнет какое-то бурное движение, требующее много материала. Но это рано или поздно все равно развитие приведет к снижению материальной части в продукте. Потому что потребность есть в снижении, снижение будет.

Допустим, возьмем энергоемкость. Сейчас появились виртуальные валюты. Так чтобы их намайнить, нужно огромное количество энергии. Говорят, новые технологии потребляют гораздо больше энергии, чем старые. Но это – сейчас, до тех пор, пока мы не придумаем технологические решения, которые позволят снизить потребление энергии. Возвращаясь к этой мысли, могу сказать, что сейчас этап такой, который сродни, даже – не сродни, а просто является фактически революционным, и научно-техническая революция приведет к смене парадигмы государства, к смене института государства, к качественной смене института государства, замене. Поэтому я и говорю, что в НИО.2 государство будет уходить постепенно из регулирования экономических отношений. Потому что экономика будет «сжиматься». Здесь соотношение государства, на мой взгляд, и общества очевидно просматривается.

АВБ. Сергей Дмитриевич, я для пояснения будущим читателям этого текста. Есть два процесса. Первое – представим

себе некий шар, экономика. Этот шар уменьшается в объеме, и вместе с ним уменьшается государство, которое этот шар регулирует. Поскольку...

СДБ. Та часть государства, которая регулирует экономические отношения.

АВБ. Та часть государства, Вы правы. Та часть государства (просто неточно выразил вашу концепцию), та часть государства, которая регулирует экономику, сжимается вместе с шаром экономика. Другая часть государства сохраняется и как-то там живет, развивается. Это один вариант. Второй вариант – шар экономики сжимается, но государство сжимается еще быстрее, чем экономика. Или наоборот?

СДБ. По-разному. Есть два важных момента. Первый момент связан с тем, что движение никогда не бывает прямым. Движение бывает попятным, движение бывает боковым. Мы с Вами тоже когда-то это исследовали, разговаривали об этом. На определенных этапах возможны разные флюктуации. И они с «близкого» исторического расстояния не слишком видны. Хотя идет непрерывное обновление. Но, как сказал Уильям Гибсон, фантаст американский, в своем романе «Некромант» – «будущее уже наступило, просто оно неравномерно распределено». Однако – кое-что все-таки неплохо просматривается. Если говорить о трендах – тренды я обозначил. Но то, что на разных исторических этапах может быть и усиление роли государства в отношении экономики, и снижение роли государства быстрее, чем роль экономики, чем снижается роль экономики в обществе – это может происходить. На сегодняшнем революционном этапе роль государства очень важна.

АВБ. Революционном научно-техническом...

СДБ. Научно-техническом, да. Но я могу сказать, что этот революционный путь в общем отразится и на обществе, так или иначе. Общество изменится. Оно поменяется в сторону открытости больше. Оно поменяется в сторону изменения «качества» конфликтности, несмотря на общее снижение конфликтности развития. При возможном временном ее всплеске. Повышение конфликтности возможно почему? Потому что слом всегда порождает сопротивление. Стену ломаешь – сопротивляется сила сопряжения. Поэтому в этом плане здесь

может быть важна роль государства в части «целенаправленности» слома. Если, например, государство, отражает интересы определенных групп людей, которые готовы сохранять то, что есть, и не готовы подчиняться требованиям и вызовам научно-технического и экономического прогресса (потому что им это экономически невыгодно, хотя это может быть по их духу могло им быть более близким, чем экономические вещи, но – экономика-то превалирует!), значит, в этом случае государство может тормозить и усиливать свое давление: создавать законы новые, препятствия и так далее, тормозить развитие общества в плане том, которое двигает, на котором оно должно отразиться, которое должно отразить научно-технический прогресс, позитивное отражение на общество. А может быть наоборот. Например, государство, осознав, что необходима научно-техническая инициатива (НТИ), осознав, что по какой-нибудь мысли, по какой-то идее, по каким-то причинам нам надо двигаться в этом деле быстрее, может, наоборот, создавать институты, поддерживающие так или иначе движение по тому пути, который указывает научно-технический прогресс, предугадывая изменения в обществе, и так далее, формируя соответствующие институты быстрее, чем просто инерционно или с задержкой. Таким образом, государство может играть очень большую роль на революционном этапе. Идея анархистов о том, что давайте упраздним государство и будем жить сами по себе – она абсолютно точно неприемлема в революции. Государство должно играть определенную роль, и большую роль, может быть. Причем – большая роль может быть как отрицательная, так и положительная по отношению к объективному тренду развития общества. Другое дело, что в целом вторая сторона, снижение роли государства, будет происходить – в глобальном – независимо от этих всех флюктуаций, колебаний.

АВБ. Хорошо. Я просто хотел, чтобы таким постскриптумом к этой стратегической постановке были, может быть, некоторые тактические зарисовки, касающиеся ближайшего исторического этапа, когда рождается даже еще не ноономика, а рождается экономика НИО.2 и новое индустриальное общество второго поколения. Вот на этом этапе,

перехода к НИО.2, он должен предполагать некоторые включения – большее государства в экономику или...

СДБ. Регулирование экономики или меньше государства в экономике?

АВБ. Да, такая довольно традиционная старая дилемма. И если больше, то в чем, если меньше – то почему. Может быть, какой-то комментарий.

СДБ. Как бы вторая часть моего рассуждения, она о чем? Государство – многослойная штука. Значит, государство должно, на мой взгляд сейчас, если мы говорим о разумном устройении, оно должно дестимулировать те вещи, которые позволяют сохранить старое, негативное. В частности, это гипер – развитие финансового капитала, поглощающего реальный сектор экономики, влияющего негативно на сознание людей. Другие подобные вещи. И государство должно стимулировать развитие тех институтов, которые соответствуют позитивному отрезку, к примеру, позволяют двигаться по пути нового индустриального развития.

АВБ. Одно тормозит, другое ускоряет государственное воздействие.

СДБ. Воздействие, да. С другой стороны, есть одна проблема, которую нужно тоже решать и которая требует усиления роли государства сегодня. Проблема, которая тоже проистекает из научно-технического прогресса. С одной стороны, научно-технический прогресс (тоже две стороны имеет!) дает мощнейшие возможности для удовлетворения потребностей людей. Хотя потребности на самом деле могут быть и дикие, и еще не сформированные. Это – одна часть этой проблемы. Другая сторона – государство должно...

АВБ. Секунду. Получается, что государство может включаться в процесс регулирования потребностей? Или это будет преувеличением?

СДБ. В процесс регулирования потребности, если тупо – наверное, это будет преувеличение. Вплоть до абсурда. Как у В.Войновича – «кто сдает продукт вторичный, тот питается отлично...». Но – да, как процесс недопущения к неразумному, нерациональному использованию технологий. Что сегодня делаем в Сирии? Бомбим террористов. Потому что они

используют современные технологии, пытаются какие-то вещи делать, которые не соответствуют общим представлениям общества о...

АВБ. Общественным интересам в целом.

СДБ. Смотря каким, большей части общества, скажем так. У них тоже общество, только свое.

АВБ. В любом случае да, и можно сказать человечества, наверное.

СДБ. Человечество опять. Что такое человечество?

АВБ. Хорошо, Вы правы. Давайте Вашу формулировку.

СДБ. Вы знаете, если бы большинство людей считали, что этот ваххабитский ислам – это самое лучшее устройство общества людей, может быть, поверьте мне, никаких противодействий этим террористам серьезных не было бы. Все бы быстро приняли это все дело и начали бы «развиваться» в этом ключе. Но поскольку люди по-другому осознают все, свой мир, большинство людей, то они тех людей приводят в чувство – через институты государственного представления, например, через военное принуждение и так далее и тому подобное, хотя это радикальные случаи «использования» государства.

Но главное – в другом.

Роль государства, усиление роли государства должно быть в том, чтобы воспитать, «правильно» воспитать людей в соответствии с теми позициями, которые выработало общество в качестве своих главных ценностей: человечность, доброта, разумность, рациональность поведения, учет интересов других людей и многие другие вещи, которые сегодня в целом социум сформировал как некие ценности. Тут же можно спорить или не спорить о демократии, свободе духа и так далее, но это тоже относится к категориям, которые общество определяет как некие ценности.

Эти ценности, поскольку они являются превалирующими, должны быть (способствуют они, содействуют движению научно-технического прогресса!), на мой взгляд, поддержаны государством. И поддержаны государством тоже через свои институты, например образование, воздействие на медийную сферу и прочее. То же ограничение этого самого финансового капитала: обратная сторона этого – это изменение медийного

воздействия, в частности изменение образовательного процесса, и так, и тому подобное. Потому что финансиализация, коммерциализация, образование вслед идет. Коммерциализация образования, начетничество, далее, отключение от творческого процесса, и в конце концов – послушный робот.

Это цель финансового капитала – создание общества потребителей. Мы тебе впахнем, найдем, где произвести, а ты потребляй. Это очень похоже на то, что в «Мертвом сезоне» предлагал через определенный газ доктор Хасс. Вот человек счастлив, ему дали вечером суп похлебать, у него есть женщина, все потребности его ограничены этим – удовлетворены. То есть газ отрубал другую часть потребностей. Таким способом такой дикий газ сегодня предлагает финансовый капитал. Этот газ к нам приходит в каждый дом через телевизор, через интернет, через что-то еще. В котором превалирующая идеология, навязанная человеку, – работает. Вот здесь государство должно выступить в качестве противоядия этому газу, противодействия, если это государство реально отражает интересы общества, которое завязано на ценности, о которых я говорил. Если это не так – плохо. А на сегодняшний день в России, я бы сказал, не так. Да, в какой-то мере у нас прописано в Конституции «социальное государство», мы в бюджет какие-то средства закладываем в поддержку определенной категории населения, которое работает с образованием, наукой и так далее. Поддерживается, условно говоря, нерадикальная религия, какие-то вещи, человек, духовная сфера человека. Но в то же время главная экономическая сфера подчинена фактически полностью финансовому капиталу, что не может не отражаться и на духовной сфере. Поэтому сколько ни говори «рахат-лукум», а все равно кругом вылезают уши верблюда. Можно говорить, сколько угодно проповедовать хорошие ценности, воспитывать детей и прочее, но когда окружающий мир через материальную часть требует другого, плюс еще навязанная ситуация извне через пропаганду соответствующую – возникает когнитивный диссонанс, даже не когнитивный, а духовный, внутренний диссонанс. То есть внутреннее ощущение человека, требование свободы, требование ощутить себя возможным удовлетворить свои потребности, которые выше, чем материальные, приводит к тому, что человек

становится диссориентирован, «дорога раздвояется». Отсюда, на мой взгляд, выход молодежи, которой 15 лет, на площади. Им что, не хватает штанов, или телевизоров, или чего? Им всего хватает. Но они протестуют, не понимая против чего. Они протестуют против того, что их внутреннее ощущение, пока они не зашорены, не запропагандированы, не замазаны этой жизнью, так сказать, внутреннее ощущение их, что необходима другая свобода, необходимы другие решения. Они требуют изменения государства. Они придут и будут его менять.

АВБ. Это очень точно. Вы знаете, я сейчас, когда Вас слушал, вспомнил три похожих тезиса, которые звучат с разных сторон. Один тезис: лет 20 уже назад, нет, наверное, 15, у меня была такая ученица Ирада Левина. Она уехала в Штаты, сейчас работает в Англии. Писала серию работ о соотношении финансового сектора и вопросов экономики, публиковала, она была студенткой 5 курса.

СДБ. Во-первых, тема такая серьезная.

АВБ. И она очень серьезным была исследователем. У нее возникла идея о том, что финансиализация (тогда это так не называли, доминирование финансового сектора) приводит к рождению хомо финансус – человека финансов.

СДБ. Да. Эта мысль на самом деле очень коррелирует с моим пониманием.

АВБ. Да, почему и говорю. И второе, Н. Яковлева, которая выступала на научной конференции в Пуле (Хорватия), буквально она тоже носится с идеей бюрократизации, коммерциализации образования, потом у нее появилась идея национализации образования, и последнее, что она говорила – что образование транслирует финансиализацию как идеологию.

СДБ. Совершенно верно. Молодец. Правильно. Да, то, что я говорю. Знаете, идея носится в воздухе, что называется.

АВБ. И третье – то, что Вы сейчас сказали про этих ребят. Когда я был в Питере, там наши товарищи были, профессора-естественники. Кстати, про Абрамсона в Петербургские ведомости написали, сделали очень хороший материал (ему больше 90 лет) о молодости в 90 лет. Недавно вышла эта статья.

СДБ. Серьезный, да.

АВБ. И, по-моему, он тоже говорил о том, что эти ребята выходят на площадь не потому, что им нечего есть, а потому что они хотят рожна, хотят необыкновенного, хотят того, что они даже не знают, чего. Но они не понимают, что их превращают в марионеток. Так что это «рожна»...

СДБ. Они имеют внутренний протест против того, что им навязано, навязывает общество через материальную, через другую сферу.

АВБ. Важно, что у нас это, в сегодняшнем нашем разговоре, все это ложится на материально-техническую базу современной технологической революции. И государство, и технологическая революция оказываются в основе объяснения очень многих сегодняшних процессов. Объяснений, которые действительно носят в воздухе, которые получают системное основание, я бы сказал, в таком случае.

СДБ. По крайней мере, с моей точки зрения, это очень похоже на правду.

АВБ. Ваша концепция (я все-таки скажу, в данном случае – концепция, направление научное) соединяет целый ряд подходов. То есть началось с технической революции: просто позволю себе именно для диктофона эту цепочку построить. Сначала даже первый взгляд – индустриализация как альтернатива деиндустриализации, но индустриализация на новой технологической основе. Потом более широкий взгляд – это в целом часть научно-технического прогресса и промышленной революции. Промышленная революция нового поколения приводит к рождению нового индустриального общества по всем параметрам: экономика, социальная сфера, духовная сфера и так далее. Это общество закономерно приводит к постэкономическому типу бытия общественного – ноономике. И когда мы смотрим ретроспективно назад, выясняется, что финансовый капитал как доминирующая сила этому мешает, а может быть мотиватором развития, если его поставить в определенные рамки. Но и государство получает тоже определенную площадку в этом процессе. Дальше начинается видение уже разных аспектов этого общего стратегического движения. И здесь много про что еще можно говорить.

СДБ. Знаете, там уже дальше мы вступаем в область определенной фантазии. Почему? Потому что в моем понимании, моя база рассуждений основывается на чем? Она как раз на том, что мы имеем в историческом процессе до сегодняшнего времени и на базе того, каким образом могут развиваться эти тенденции, эти нынешние тенденции.

АВБ. Ваши концепции базируются на видении объективных процессов в сфере технологических изменений.

СДБ. Технологических, в дальнейшем экономических, в дальнейшем общественных отношений.

АВБ. Вообще экономическо-общественные отношения продуцируются, исходя из некоторого реального процесса, который виден уже сегодня. Это не фантазия. Про экономику и общество – может быть, это пока не происходит, но в технологиях это уже начало происходить.

СДБ. Нет. Уточню. Вы знаете, оно происходит на протяжении тысяч лет – и в экономике, и в обществе. Согласитесь, что технологии, которые требовали мускульной силы, порождали рабское общество, потому что нужны были мускулы. А технологии, которые позволили заменить мускульную силу, отбросили рабство как ненужный институт.

АВБ. Да. В данном случае мы с вами соглашаемся с классической идеей о силах производственных отношений, взаимодействие которых подчинено неким объективным законам.

СДБ. Да.

АВБ. И, Сергей Дмитриевич, не знаю, как Вам, но мне кажется очень важным то, что вы сейчас из этой далекой стратегической перспективы ретроспективно начали смотреть на те процессы, которые происходят сейчас, но через призму движения в будущее.

СДБ. Естественно. Как говорит товарищ классик, что если ты дорогу не понимаешь, то будешь спотыкаться на каждом шагу.

АВБ. На каждом шагу.

СДБ. Но, с другой стороны, если ты эти буераки не будешь видеть, на них концентрировать внимание, то не увидишь дорогу.

АВБ. Не видеть буераков тоже нельзя, потому что расшибешь лоб, не сделав и первых шагов.

СДБ. Да.

АВБ. Совершенно верно. Поэтому мне кажется, это направление исследования, когда Вы ретроспективно стали смотреть на финансовый капитал, а сейчас мы начали и тему государства, я думаю, тут много что можно будет продолжить – и какая-то детализация, исходя из этой стратегической перспективы, ретроспективной детализация, она очень важна. Я думаю, это большое направление...

СДБ. Это просто. Понимаете, когда мы говорим о сегодняшнем положении дел, я читаю множество обзоров, читаю множество разных домыслов и помыслов разных экономистов, философов, людей из сферы бизнеса, которые волей-неволей либо что-то подтверждают, либо что-то открывают для себя. В каком-то смысле открывают себя и свое понимание ситуации. В 90% случаев я не нахожу прямых подтверждений, но нахожу косвенные. Знаете, когда человек говорит, извините, как собака – все понимаю, сказать не могу, если говорю, то получается «гав». Не то, что думал. Человек не осознает еще.

АВБ. Сейчас в этом положении, когда...

СДБ. Сейчас в этом положении, да. Уже лай вовсю, а основного пути не особенно наблюдается, и разноголосица в этом хоре очень большая. Поэтому мне кажется важным понимать – есть глобальное направление развития, есть этапность, есть некие вещи, которые не позволяют идентифицировать впрямую какой-то этап с каким-то классическим концептуальным положением. Потому что историческое развитие прямо, не линейно, не циклично, даже может быть – в чем-то циклично, в чем-то нециклично, в чем-то – отступление и так далее. Тоже надо это понимать. Если это все понимать на базе какой-то одной общей идеи, тогда становятся открытыми и понятными многие вещи и объединяются многие теории. Концентрируется в этих теориях то, что сегодня является действительно реальным отражением того объективного исторического процесса, который проходит в нашей цивилизации. Я далек от мысли считать, что я – истина в последней инстанции. Возможно, мои представления есть отражение других, более глубоких каких-то процессов. Не знаю.

Если бы я поспорил об этом, к примеру, с моим давним интеллектуальным партнером ректором Духовной академии Московской Владыкой Амвросием, он бы сказал, что под этим всем промысел Божий, наверное. Я понимаю, что может быть, это глубже, чем то, что я предполагаю.

АВБ. История рассудит...

СДБ. Да, кто его знает.

АВБ. Сказать нельзя.

СДБ. Я в чем-то, может, соглашусь, в чем-то – нет.

АВБ. Иногда такая история происходит «назад», что лучше бы она не «судила».

СДБ. Да, но когда мы все-таки какую-то платформу выстраиваем, которая до настоящего времени позволяет объяснить все, что происходит сейчас, объяснить непротиворечиво, тогда есть большая надежда, большая уверенность, что то, что дальше из этого вытекает, по крайней мере – на обозримое расстояние, это движение трендов, тоже будет более или менее верным. Да, и есть еще один очень важный момент. История всегда имеет разные развилки, мы об этом тоже с Вами говорили. Мы сегодня находимся на такой развилке. Почему сегодня революция? Именно сегодня? Важно понимать, что это – революция. Потому что революция всегда не только к улучшениям может вести, но и к разрушению. Это – развилка. Я всегда выступал за эволюцию. Потому что она позволяет осмыслить процессы и выстроить разумные какие-то, более или менее, тренды движения, решения по возникшему поводу. Революция, как правило, перетряхивает, сметает то, что не нужно, но в процессе может много снести и того, что нужно, а потом это нужно будет мучительно долго восстанавливать. И в этом смысле сегодняшнее состояние общества – это состояние революционной грозы. Потому что технологии уже, «низы», перефразирую, не могут жить по-старому, а «верхи» не хотят жить по-старому. Технологии – это низы, это база. База новой экономики. Она не может существовать по-старому, она уже другая. А надстройка верхняя, если называть марксистским термином – она еще старая, и она уже не может этими всеми «низам» управлять по-старому.

АВБ. В данном случае я...

СДБ. И что может быть? Может быть критическое накопление массы противоречий, которое может привести к взрыву, к войне. А сегодня технологии мощнейшие – значит, это страшная война. Ведь каждый новый этап техноразвития не только решает проблемы, но и новые создает. Вызовы. Знаете, есть такое у нас, техноспецов, крылатое выражение: сегодняшние проблемы – это результат вчерашних технологических достижений. А сегодня ведь какие технологии? Сверхмощные. Знаниеемкие. Иногда говорят – цифровые, информационно-насыщенные (я, кстати, полагаю удобным определением информации как структуризованного знания (в биты, байты, файлы, слова, книги...); знаниеемкость в физической реализации и есть в некотором роде информнасыщенность). Короче, очень весомые. И если их применять при разрешении противоречий как военные... Война, понимаете, это крайнее средство разрешения противоречий. Когда крайнее, хватается человек за крайнее, не думая особенно ни о чем. Состояние фактически аффекта. Аффект – это отключение мысли, отключение порога применения. В состоянии аффекта, недавно смотрел по телевизору, супруга зарубила мужа за то, что он пришел пьяный. Состояние аффекта – да, она схватила топор и ударила его по шее. В состоянии «неаффекта» разве бы она так поступила? Даже если он пьет и не просыхает. Наверное, нет. И топор выступил орудием, реализацией этой идеи аффективной. Сегодня атомное оружие, сегодня технологии, которые позволяют уничтожить полмира, а то и весь мир – они сегодня уже в руках людей. Людей каких? Людей-политиков, которые отражают определенные интересы, интересы, как правило, мало связанные в этом плане с общим движением развития человечества. Потому что все эти интересы направлены на защиту экономического общества. Если бы люди думали не об этом, а о другом, о том, чтобы вложить эти деньги в развитие технологий, не военных технологий, а технологий, позволяющих людям лучше жить... Помните – «не отдадим наших завоеваний, а сделаем ... новое завоевание!» Другая должна быть идея. И эта идея общая. «В отдельно взятом государстве коммунизм построить нельзя». И в отдельно взятом государстве нельзя эту идею реализовать, ее можно только навязать всему человечеству в целом. В связи с

этим грозное дыхание заключается в том, что человечество должно прийти к какому-то другому решению. А человечество стратифицировано сильно. У человечества есть золотой миллиард, есть 5 миллиардов совсем нищих, стран нищих. Есть абсолютно безразличные слои общества, которым всё все равно. Есть люди, которые просто не понимают, как они живут. Есть – разные люди. Я бы слово такое ругательное применил – «элита». Мыслительная элита человечества должна выработать эти критерии и должна дать людей, которые их смогут реализовать. Если мы сумеем пройти этот революционный этап таким путем, то есть шансы на НИО.2. Если нет, то история начнется с начала.

АВБ. Я не помню, кто сказал, Эйнштейн, что ли: «Я не знаю, какой будет третья мировая война, но четвертая будет вестись...»

СДБ. Каменными топорами. И роль государства сейчас – как созданного человечеством института благополучного разрешения таких ситуаций – важна как никогда.

АВБ. Да, будет топорами каменными. Совершенно верно.